

Бейлин Михаил Валерьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет,
Белгородский государственный университет, 308015, Россия, г. Белгород
e-mail: mysh_07@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В МИФОЛОГЕМАХ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: В статье рассмотрен феномен идентичности в контексте исследований политической мысли русского зарубежья. Обоснована мысль о том, что анализ факторов, составляющих государственную идентичность, необходим для объективного оценивания и анализа современной политической реальности. Показано, что миф, оставаясь иррациональной конструкцией, через взаимодействие с политической реальностью сам рационализируется, «встраивается» в политику и становится её инструментом.

Ключевые слова: идентичность, политическое взаимодействие, нациогенез, этнос, нация, иррациональность, политическая нация, цивилизационный подход.

Beilin Mikhail Valerievich
Dr. Hab. of Philosophical Sciences, Docent,
Professor of Department of Philosophy and Theology,
Socio-Theological Faculty, Belgorod National Research University,
308015, Russia, Belgorod
e-mail: mysh_07@mail.ru

IDENTITY IN MYTHOLOGEMS OF INTERETHNIC AND POLITICAL INTERACTION

Abstract: The article examines the phenomenon of identity in the context of research on the political thought of the Russian diaspora. The idea that the research of the factors, which form the state identity, is necessary for an objective estimation and analysis of contemporary political reality is substantiated. It is shown that the myth, remaining an irrational construction, is rationalized through interaction with political reality, «incorporates» in politics and becomes its tool.

Keywords: identity, political interaction, nationality, nation genesis, ethnos, nation, irrationality, political nation, civilizational approach.

В современной гуманитаристике проблема идентичности занимает важное место, как в фундаментальных, так и в эмпирических исследованиях. Ученые сходятся в том, что, постигнув логику идентичности и специфику её трансформаций, невозможно понять мир. Как указывает британский исследователь Э. Смит, вопросы коллективной и индивидуальной идентичности освещались ещё в трагедии древнегреческого драматурга Софокла «Царь Эдип». Актуализация идентичности как фактора политического процесса и объекта научного дискурса связывается с активизацией антиколониальной борьбы и созданием новых национальных государств в Европе и Латинской Америке. Объектом целенаправленного научного осмысления идентичность становится в XX веке. Первенство внедрения понятия «идентичность» принадлежит основателю теории психоанализа З. Фрейду. Углубление научных исследований идентичности связано с именем американского психолога Э. Эриксона, подчеркивающего широту и всеохватность содержания понятия идентичности, собственное понимание которого он определил как «субъективное вдохновенное чувство тождества и целостности».

В 1950-х годах понятие идентичности было вырвано из его исходного психоаналитического контекста и связано, благодаря книге Г. Олпорта «Природа

предрассудка», с этническим, а благодаря Н. Футу и Р. Мертону с ролевой теорией и теорией референтной группы в социологии. Однако, по мнению Р. Брубейкера, наиболее влиятельными популяризаторами понятия «идентичность» были Е. Гоффман, работавший на периферии традиции символического интеракционизма, и сторонник социального конструктивизма П. Бергер [1, с. 64-65].

Философские аспекты проблемы идентичности и самоопределения личности в различных социальных контекстах исследовали З. Бауман [2], П. Бергер [3], Р. Брубейкер [1, 4], П. Бурдьё [5], Э. Гидденс [6, 7, 8], Ю. Хабермас [9, 10], Н. Элиас [11], П. Рикёр [12], Дж. Снайдер [13], Ч. Тейлор [14]. В фундаментальном труде «Религия без групп» Р. Брубейкер подчёркивает: «идентичность» как специфически коллективный феномен означает основное и самое важное «тождество» членов группы или категории. Её можно понимать объективно, то есть как тождество «в себе», или субъективно – как пережитое, прочувствованное или воспринимаемое тождество. Такое тождество предсказуемо проявляется в солидарности, в одинаковых настроениях и сознании, в коллективных действиях [1, с.76]. Итак, учитывая указанную востребованность, известность, глубину проработки проблемы и многообразие определений идентичности, констатируем, что конкретное понимание термина «идентичность» зависит от контекста, в котором он употребляется, и от определённой теоретической традиции, с которой связано данное употребление. Так, в рамках психоаналитической традиции (Г. Ласуэлл, Э. Фромм, Э. Эриксон, Дж. Марсия и др.) идентичность рассматривается как непреходящая составляющая личностного «Я», а содержание понятия «идентичность» связывается с потребностью самоопределения. Как отмечает Э. Эриксон, «у людей есть ещё одна необходимость ... чувствовать, что они представляют определённый особый род (клан или нацию, класс или касту, семью, профессию или тип), чьи отличия они будут носить с тщеславием и убежденностью и защищать от других, иностранных, вражеских ... как не совсем человеческих родов» [15, с.247]. С точки зрения психоанализа, идентичность рассматривается не как совершенная конструкция, а как динамическая структура, включающая в себя предыдущие стадии самоидентификации «Я» и текущие ролевые позиции. «Человек социальный» становится носителем многочисленных ролей и связанных с ними функций, и именно в процессе идентификации он получает соответствующую идентификационную матрицу, которая задаёт модели социального и политического поведения личности [16, с. 80]. В центре внимания сторонников социологического подхода находятся особенности формирования идентичности больших социоисторических и социоэтнических сообществ – этносов и наций. Среди наиболее актуальных для нас направлений исследования можно выделить теорию «политической нации» и конструктивистское направление, представители которого – Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум обосновывают возможность эффективного конструирования национально-государственной идентичности и влияния на этот процесс со стороны властных структур и связанных с ними групп интересов. Следовательно, в таком контексте идентичность выступает уже как политический объект, способный изменяться в соответствии с замыслами и потребностями определённых групп влияния или государства в целом. Не случайно английский социолог Э. Гидденс актуализацию проблем идентичности связывает с глобальными трансформациями макросоциальных и макрополитических идентичностей в современном мире.

Существенной частью теоретических основ исследования идентичности является цивилизационный подход (Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон), ориентированный на анализ процессов формирования геополитических и цивилизационных особенностей самоидентификации. Его истоки находят свое отражение в многочисленных исторических школах и исследованиях, посвященных «миссии» той или иной нации, цивилизации в глобальном масштабе. В основе таких мессианских концепций, как правило, лежала идея разделения мира на «своих» и «чужих» в разных измерениях: цивилизация – варвары; носители божественной идеи – отступники; центр мира – окраина [16, с. 81].

Указанные дихотомии веками служили ориентиром в политическом и культурном обмене, а впоследствии повлияли и на процесс идентификации исторической субъектности народа как масштабный культурный проект, которым занималось на протяжении почти двух веков большинство европейских национальных элит. Причем, этот проект ещё не завершён, и рядом с новыми вызовами, возникающими в связи с процессами глобализации и массовыми миграциями населения, продолжается и теоретическая дискуссия вокруг проблемы национальной идентичности. Так, существенные расхождения наблюдаются между представителями научных течений конструктивизма и примордиализма. Конструктивистская концепция формирования национальной идентичности раскрывается Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером через механизм «изобретения традиций», представляющий собой ряд практик ритуального или символического характера, которые пытаются привить определённые ценности и нормы поведения через повторяемость, что автоматически предполагает связь с прошлым. Таким образом, историческое своеобразие социальной памяти трактуется как результат искусственного конструирования, направленного на формирование оптимального алгоритма социального взаимодействия.

Признавая установленной научную ценность конструктивистской теории идентичности, следует отметить чрезмерный функционализм в анализе феномена, в котором наряду с рациональным присутствует иррациональное, имманентное. Даже современные европейские нации, которые находятся на острие процессов политической, социально-экономической и культурно-информационной глобализации, продолжают сохранять выразительные этнические признаки. Представители ортодоксальной школы примордиализма, наоборот, склонны завышать роль этнических факторов, возлагая в основу концепции извечности и древнего характера нации или биологическое родство (П. Ван Ден Берг), или «культурные данности» общественного бытия (Э. Шилц, К. Гиртц), которые продолжают сохраняться даже в постиндустриальных обществах. Несмотря на аргументацию примордиалистов, такая абсолютизация этнического фактора также является односторонней трактовкой природы нации и национальной идентичности. Взгляд на нацию как изначальную природную данность не объясняет всей сложности и разнообразия нациогенеза. Однако, несмотря на указанные недостатки, и примордиалистская, и конструктивистская теории, дополняя друг друга, дают возможность понять и теоретическую основу, и практическую реальность процессов формирования нации и национальной идентичности.

Наряду с приведенными общемировыми теоретическими разногласиями в политическом дискурсе существует проблема адекватного определения понятия «национальная идентичность», связанная с конкретно-историческими обстоятельствами эволюции понятий «нация», «национальность», «государство». Ю. Хабермас замечает, что история понятия «нация» своеобразно отражает появление национального государства. Для римлян понятие «Natio», подобно gens и populus и в отличие от civitas, касалось именно людей и племен одного происхождения, объединенных территориально и культурно, но не политически. Такое понимание было распространено во времена Средневековья. Однако, уже с середины XVIII века различия в значениях понятий «нация» и «Staatsvolk», то есть «нации» и «политически организованный народ», постепенно исчезают. Со времен Французской революции нация становится даже источником государственного суверенитета, а понятие «нация» начинает играть основополагающую роль в определении политической идентичности гражданина. С тех пор, как к политической «нации» начали относить всё население страны, независимо от этнического происхождения, «французская нация» состояла не только из жителей Иль-де-Франса, но и из бретонцев, провансальцев, пикардийцев, эльзасцев и др. Именно тогда началось стирание тысячелетней грани между понятиями natio и populus, и понятие «нация» начало сближаться с понятием «народ». Вследствии понятие «нация» стало всё чаще отождествляться с понятием «Государство». В результате дальнейшей семантической этатизации, слово «нация» в английском и французском языках часто выступало слова «страна» или «государство». Причем указанная

трактовка понятий закреплялась и в законодательстве. В частности, Р. Брубейкер упоминает: «В начале 1980-х годов некоторые алжирские иммигранты второго поколения протестовали против того, что при рождении им автоматически приписывалась французская национальность» [1, с. 260]. Итак, в англоязычной и франкоязычной традициях и «национальность», и, соответственно, «национальная идентичность» однозначно являются признаками принадлежности человека к государству.

В то же время немецкая нация, развиваясь на других основаниях, сформировала другую традицию. В отличие от англоязычного мира, понятие «нация» (nation) там часто отождествлялось с понятием «народ» (volk), но никогда – с понятием «государство» (staat). Именно немецкое значение слова «нация», с ударением на этнически-культурных составляющих, повлияло на формирование этого понятия в языках славянских и центральноевропейских народов, которые во второй половине XIX в. вступили в фазу национального возрождения и которым приходилось делать упор на культурных и языковых компонентах этого возрождения. Эра национализма принесла с собой и восстановление «этнического» содержания понятия «нация», которое одновременно имело достаточно чёткий политический контекст. Понятия «нация» и «национальное» имеют наряду с научно-теоретическим и серьёзный политический смысл. Р. Брубейкер замечает: «В полиэтнических странах Центральной и Восточной Европы этнические группы являются автохтонными, или считают себя такими ... Их члены ... идентифицируют себя с соседним «родственным» или «родным» государством, к которому, по их мнению, они «принадлежат» благодаря общей этничности или культуре. И главное: они определяют себя в национальных терминах. Они считают, что принадлежат не просто к самостоятельной этнической группе, но к самостоятельной нации или национальности, которая отличается от нации или национальности их сограждан. Так что в этой модели этничность принимает форму национальности, и этническая разнородность кодируется как национальная разнородность [1, с. 268]. В таких условиях достижение гражданского единства в стране требует определения и осознания общих идентификационных ориентиров, т.к. одного только факта правового закрепления единого гражданства и территориальной целостности может быть недостаточно, поскольку, по утверждению Э. Дюркгейма, «связи, вызванные совместным проживанием, не имеют в человеческом сердце такого глубокого источника, как те, что происходят от единокровности» [17, с. 178]. Задачу консолидации граждан способно эффективно выполнить государство, которое, по определению Р. Брубейкера, «является мощным идентификатором ... и располагает материалами и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального учёта и отчётности» [1, с. 92].

Итак, государство играет важную роль в процессе формирования идентичности гражданина и поэтому, с целью детального обозначения связей гражданина с государством, статусности для отдельного индивида института гражданства, по мнению ряда учёных, считается целесообразным использование термина «государственная идентичность». Государственность и государственная идентичность тесно связаны и взаимообусловлены: государственность конструирует определённый тип идентичности, тогда как государственная идентичность сама способна выступать в качестве фактора, конструирующего политическую реальность. Государственная идентичность диалектически взаимосвязана с национальной и гражданской идентичностью; вместе они выступают основными измерениями макрополитических идентичности современных обществ, в рамках которой они структурируют и упорядочивают социально-политическую реальность, формируют модели отношений с «Другими». Таким образом, именно в координатах государственной идентичности возникает возможность избежать смешивания понимания понятия «нации» с «этносом» и «этническим сообществом». Термин «государственная идентичность» используется не только в научном сообществе, но и в официальных документах и заявлениях.

Современные политические концепции эмиграции обусловлены тем, что общество вновь переживает состояние аномии, которое Э. Дюркгейм определял как «ценностно-нормативный вакуум, присущий переходным кризисным периодам и состояниям в развитии общества, периодам, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые ещё не установились» [17, с. 556]. Состояние аномии не является для общества комфортным, и массовое сознание вынуждено искать ценностную опору, в том числе и в историческом прошлом. Поэтому общество, пытаясь найти точку опоры, обращается к проверенным временем и в известной степени устоявшимся, хотя зачастую и небесспорным представлениям. «Миф всегда рядом с нами и только прячется в темноте, ожидая своего времени. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии», – отмечает Э. Кассирер [18, с. 60].

Оставаясь иррациональной конструкцией, миф, через взаимодействие с политической реальностью, сам рационализуется, «монтируется» в политику и как её инструмент используется для достижения вполне прагматических политических интересов и целей. Ценностно-нормативный вакуум, возникая в переходные периоды, в зависимости от действий комплекса внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов, начинает заполняться новыми мифами или реинкарнациями старых. Мало создать миф, важно обеспечить устойчивость его конструкции, иначе его ждет разрушение. Миф должен постоянно «подпитываться» практическими действиями, которые придают мифологической конструкции устойчивость и гибкость одновременно. Зато нередко происходит постепенное разрушение даже «гипермифологизированных» процессов и явлений через оценку реальной политики. Как отмечает Э. Кассирер, разрушить политические мифы невозможно, поскольку они нечувствительны к рациональным аргументам, но их анализ может помочь понять мотивы мифотворчества. «Понять миф – значит понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу ... Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его» [18, с. 65]. Учитывая указанное, весомым вкладом в противодействие новым вызовам могут стать комплексные исследования политической мысли для формулирования и теоретического обоснования стратегических целей и задач с учётом мировоззренческих и историософских принципов и традиций государства. Политическая мысль непосредственно формирует ценностно-эмоциональный компонент государственной идентичности, который проявляется в чувстве гордости или стыда за государство, желании быть причастным к его свершениям и нести ответственность за его поражение. Именно с этим связывается широко используемое понятие «патриотизм», в котором находят реальное воплощение индивидуальная, эмоциональная и практическая составляющие государственной идентичности, признание человеком своего государства не только как отстраненной, но и лично значимой ценности. Следует различать реальные ценности социума и идеалы, которые формулируются в виде идеологических конструкций. Последние могут успешно выполнять функцию консолидации и ориентации социума лишь в том случае, когда они адекватно воспроизводят в себе мотивацию его коллективной жизнедеятельности. Политическая мысль выполняет задачи раскрытия содержания идеала политических ценностей общества в их совокупности, которую составляют объекты, явления, идеи, процессы политической жизни и их свойства, к которым человек относится как к удовлетворяющим его социальные нужды, интересы и которые он привлекает в сферу своей жизнедеятельности. Политические ценности являются неотъемлемой частью политической культуры общества и отображаются в политическом сознании людей. Следовательно, важным компонентом формирования государственной идентичности является выявление и внедрение в общественное сознание соответствующих политических ценностей, что, в свою очередь, является одной из ключевых задач политической мысли.

Указанная задача вполне достижима, поскольку политическая ментальность, в отличие от национальной, существующей скорее как данность, позволяет конструировать

реальность, в том числе через заимствование социально положительных ценностей. Опираясь на указанную роль политической мысли в формировании государственной идентичности, определении её ценностного компонента, придания индивидуального и коллективного измерения самоидентификации, государственную идентичность можно определить как уникальный культурно-политический код, раскрывающийся в политических концепциях и представленный в индивидуальном и общественном сознании в виде политических мифов, ценностных ориентиров и сакральных образов. Дальнейшее распространение термина «государственная идентичность» в политическом дискурсе способствует эффективному раскрытию особенностей самоидентификации граждан. Понять и прокомментировать смысл любого образа или символа возможно только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа) ... путем расширения данного контекста.

В философской мысли осмысление выступает как часть процесса освоения мира. Во-первых, освоение мира - это ответ на нужды человека; во-вторых, освоением мира является его осмысление; в-третьих, осмыслением выступает выявление ценностных отношений и построение ценностной картины мира, связанной с задачами удовлетворения потребностей. Концепции, разрабатывавшиеся учёными-эмигрантами в межвоенный период, переосмысливаются сегодня в контексте новых экономических и политических проектов, реализуемых в сфере внутренней и внешней политики государства и влияющих на самоидентификацию населения.

Особое место в творческом наследии русской эмиграции занимают наработки эмигрантов первой послереволюционной волны; масштабы их научных, культурных, образовательных и организационных свершений, по мнению современных исследователей, заслуживают выделения в качестве исторического феномена. После Второй мировой войны произошли существенные изменения в самой русской эмиграции, что привело к угасанию всемирного уникального культурного феномена, который получил название «русское зарубежье». После Второй мировой войны русские диаспоры послереволюционной эмиграции, значимые в культурном и политическом смысле, исчезли во всех восточноевропейских странах и Китае. Большое количество русских эмигрантов первой волны продолжало жить в других странах, но русское зарубежье как единый социально-культурный организм прекратило свое существование. Оно растворилось в новых волнах эмиграции, но оставило значительное творческое наследие, весомую долю которого составляют разноплановые как по глубине, так и по объёму политические концепции.

В разработке социально-экономических и политических проектов эвристически продуктивными являются герменевтический, синергетический, антропологический, аксиологический и цивилизационный подходы. Использование антропологического подхода, который акцентируется на выявлении в политических процессах и событиях роли психики, характерных особенностей мышления, характера человека, позволило полнее раскрыть сущность и актуальность теоретических построений российских мыслителей, которые в эмиграции не только хранили верность своей национальной культуре, но и продолжали развивать её в традициях русского мировоззрения, привычной историческо-философской парадигмы российской государственности и православной этики. Важным преимуществом антропологического подхода является взгляд на проблему с точки зрения культуры изучаемого языка. Исследователь ставит перед собой задачу понять проблему в системе координат создателя соответствующей политической концепции. Такой подход помогает достичь необходимого уровня объективности в анализе политических феноменов, существенно отличающихся по своим духовным, ценностным, знаково-символическим аспектам, позволяет детально исследовать мировоззрение оппонента, взглянув на жизнь сквозь призму его видения исторической и социально-политической реальности.

Обращение к герменевтическому подходу обусловлено с одной стороны тем, что он раскрывает возможность эффективного понимания и толкования политических дискурсов или явлений, которые представлены именно в виде текстов, составляя основу базы

источников в исследовании политической мысли. С другой стороны, освещение политической теории в контексте государственной идентичности нуждается именно в герменевтическом подходе, направленном на установление субъективного, а затем и нестандартного смысла существования объекта политической сферы именно через понимание и толкование, что позволяет проникать в латентные мотивационные структуры субъектов политического процесса и устанавливать причинно-следственные связи определённых идентификационных предпочтений.

Раскрытию взаимосвязи политической мысли и государственной идентичности способствовало использование цивилизационного подхода, который позволяет выделить культурно-исторические черты определённого политического дискурса и определить источник и природу национальных традиций государства и мировоззренческих предпочтений общества. Примером цивилизационного подхода, позволяющего раскрыть механизм формирования государственной идентичности, является психоаналитическая концепция, согласно которой человек всегда находится в поисках самого себя и способен быть представлен только через «Другого». Именно «Другой» обеспечивает устойчивость «национального бессознательного», которое проявляется в языке, культуре, традициях. В психоаналитической концепции «Другой», выступающий в качестве идентификационного «образа», выступает как ключевой фактор процесса самоидентификации индивида или сообщества. Именно через сравнение с «Другим» субъект способен найти «собственное обозначаемое», обеспечивающее ему устойчивость и определённое равновесие воображаемого, символического и реального как составляющих самоидентификации.

Применение синергетического подхода позволило решить ряд исследовательских задач. Во-первых, реконструировать историософский и политический дискурс государственной идентичности из «динамического хаоса» мыслей и взглядов русских мыслителей-эмигрантов, а также вскрыть потенциал этого дискурса. Во-вторых, определить отличительные и порой противоположные, но взаимосвязанные тенденции в формировании современных государственных идентичностей на постсоветском пространстве. В-третьих, выявить параметры самоидентификации в процессе самоорганизации общества.

Обращение к аксиологическому подходу обусловлено тем, что политическая мысль русского зарубежья предлагала свою систему ценностей, в значительной степени ориентированную на примат духовной составляющей в политическом процессе. Кроме того, именно аксиологический подход позволяет определить, как трансформировались, проходя сквозь призму национально-политического и исторического опыта мыслителей эмиграции, западные политические теории, как они наполнялись оригинальным содержанием.

Исторический метод позволил рассмотреть политическую мысль российского зарубежья как комплексное явление, основанное на исторической, государственной и национально-психологической традиции. Использование конкретно-исторических и историко-эмпирических форм материалов, характеризующих исторический метод, обеспечило проведение анализа возникновения и развития феномена в диалектическом единстве, хронологической последовательности, с учётом взаимосвязи внутренних и внешних факторов, закономерностей и противоречий, эволюции теорий в конкретной социально-политической реальности.

Использование сравнительного метода позволило сопоставить отдельные идейно-политические течения и теоретические концепции, и благодаря выявлению сходных черт и различий удалось выделить общее и особенное в политической мысли русской послереволюционной эмиграции. Сравнительный и ретроспективный анализ, установление аналогий позволило провести классификацию и обобщение политических взглядов российских мыслителей-эмигрантов. Использование традиционных интерпретационных методов к определению и изучению качественных признаков и свойств способствовало упорядочению данных и выявлению закономерностей и взаимосвязей между отдельными течениями политической мысли русского зарубежья.

Применение системного метода, используемого для исследования сложных многоуровневых объектов, ориентировало исследования на раскрытие целостности феномена политической мысли русского зарубежья и многообразия связей между отдельными идейно-политическими течениями, которые могут быть увидены как единая теоретическая картина. Вместе с тем установлено, что отдельные компоненты целого могут создавать определённую несогласованность внутри системы. Указанное в совокупности и обеспечивает сочетание имеющих выразительные внешние отличия теоретических концепций во внутренне целостный феномен послереволюционной политической мысли русского зарубежья.

Политическая мысль является открытой системой, которая с одной стороны напрямую зависит от среды, а с другой стороны влияет на политическую реальность. Исходя из этого, методологическая концепция исследования заключается в следующем. Разрушение государственности, социально-политического строя и традиционной культурной среды сопровождается тотальным кризисом общественного сознания и размыванием государственной идентичности, требуя новых ориентиров. На фоне борьбы политических сил происходит обострение теоретического противостояния новых идеологий и традиционных течений. В качестве альтернативы противостоянию они предлагают обращение к органическим формам государственности, исконным традициям государства, возрождение интегрирующего потенциала «национальной идеи» и политических мифов. Именно на основе такой солидарной критики у оппонентов возникает возможность теоретического сближения, даже независимо от того, насколько они разделяют идеи, которые были заложены в компромиссные теории. В итоге создается почва для определённого структурирования политического дискурса и возникает эффект опосредованного политико-культурного взаимодействия всех субъектов политического процесса путем обсуждения общих проблем формирования новой государственной идентичности на основе национальных традиций государства. Политическая мысль русской послереволюционной эмиграции является ярким примером реализации указанного механизма. Часть творческого наследия мыслителей-эмигрантов была реализована в воспроизведении основных принципов и традиций российской государственности в практике советского государства. Отдельные элементы и даже цельные идейно-политические концепции ученых российской послереволюционной эмиграции присутствуют и в современных политических и научных контактах, непосредственно коррелируя с текущей политической практикой и продолжая быть важным элементом в дискурсе политических коммуникаций российского общества и политической элиты.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London, New York, 1992. 232 p. URL: http://web.unair.ac.id/admin/file/f_20003_Zygmunt_Bauman_Intimations_of_Postmodernity.pdf (access date: 16.03.2018).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум” 1995. 323 с.
4. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard University Press, 1992. 270 p.) [Электронный ресурс] – URL: http://socioline.ru/files/5/44/rodzhers_brubeyker_-_etnichnost_bez_grupp_socialnaya_teoriya_-_2012.pdf (access date: 16.03.2018).
5. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона». Ab Imperio. 2002. № 2. С. 45-60.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. 186 p.

8. Giddens A. *Modernity and self Identity. Self and Society in Late Modern Age*. Stanford, 1991. 264 p.
9. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. 252 с.
10. Habermas J. *Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe*. Praxis International. 1995. Vol. 12. Is. 1. P. 1-19.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Москва, Санкт-Петербург, 2001. [Электронный ресурс] – URL: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_00.htm (дата обращения: 16.03.2018).
12. Рикер П. Повествовательная идентичность. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: Изд. центр “Academia”, 1995. С. 19-37.
13. Snyder J. *Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State. Ethnic Conflict and International Security*. M.E. Brown (Ed.). Princeton, New York, 1993. 288 p.
14. Тейлор Ч. Джерела себе. К.: Дух і літера, 2005. 696 с.
15. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа “Прогресс”, 1996. 344 с.
16. Бушуев В. В., Титов В. В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ). Вестник МГГУ имени М. И. Шолохова. 2011. № 4. С. 77-93.
17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
18. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58-65.

References

1. Brubejker R. *Ehtnichnost' bez grupp*. M., Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012. 408 s. (in Russian).
2. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London, New York, 1992. 232 p. URL: http://web.unair.ac.id/admin/file/f_20003_Zygmunt_Bauman_Intimations_of_Postmodernity.pdf (access date: 16.03.2018) (in Russian).
3. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. M.: “Medium”, 1995. 323 s.
4. Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Harvard University Press, 1992. 270 p. [Elektronnyy resurs] – URL: http://socioline.ru/files/5/44/rodzhers_brubeyker_-_etnichnost_bez_grupp_socialnaya_teoriya_-_2012.pdf (access date: 16.03.2018).
5. Burd'e P. *Identichnost' i reprezentaciya: ehlementy kriticheskoy refleksii idei «regiona»*. Ab Imperio. 2002. # 2. S. 45-60. (in Russian).
6. Giddens Eh. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii*. M., Akademicheskii proyekt, 2005. 528 s. (in Russian).
7. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990. 186 p.
8. Giddens A. *Modernity and self Identity. Self and Society in Late Modern Age*. Stanford, 1991. 264 p.
9. Habermas Yu. *V poiskah nacional'noj identichnosti. Filosofskie i politicheskie stat'i*. Doneck: Donbass, 1999. 252 s. (in Russian).
10. Habermas J. *Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe*. Praxis International. 1995. Vol. 12. Is. 1. P. 1-19.
11. Ehlias N. *O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya*. Moskva, Sankt-Peterburg, 2001. [Elektronnyy resurs] – URL: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_00.htm (data obrashcheniya: 16.03.2018) (in Russian).
12. Riker P. *Povestvovatel'naya identichnost'*. Germenevтика. Ehtika. Politika: Moskovskie lekicii i interv'yu. M.: Izd. tsentr “Academia”, 1995. S. 19-37. (in Russian).

13. Snyder J. Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State. Ethnic Conflict and International Security. M.E. Brown (Ed.). Princeton, New York, 1993. 288 p.
14. Tejlor Ch. Dzhherela sebe. K.: Dukh i litera, 2005. 696 s. (in Russian).
15. Ehrikson Eh. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Izdatel'skaya gruppy "Progress", 1996. 344 s. (in Russian).
16. Bushuev V.V., Titov V. V. Nacional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennom mire i rol' istoricheskoy politiki v eyo formirovanii (teoretiko-metodologicheskij analiz). Vestnik MGGU imeni M. I. Sholohova. 2011. # 4. S. 77-93. (in Russian).
17. Dyurkgejm Eh. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1990. 575 s. (in Russian).
18. Kassirer Eh. Tekhnika sovremennyh politicheskikh mifov. Vestnik. MGU. Ser. 7, Filosofiya. 1990. # 2. S. 58-65. (in Russian).

Beilin Mikhail V.

IDENTITY IN MYTHOLOGEMS OF INTERETHNIC AND POLITICAL INTERACTION

Resume

The article presents the conceptual foundations of the Russian diaspora political thought in the context of the comprehension of state identity. Political thought is regarded as a holistic ideological and theoretical array that emerged and develops within the worldview and is an important factor in the formation of modern state identity. Important and powerful tools for the study of state identity are the critical method in the interpretation of C. Popper, world-system analysis in the understanding of I. Wallerstein, the case-study method, the method of active problem-situation analysis. In the political thought of the Russian emigration were distinguished: political concepts that developed within the framework of traditional ideological and political trends; «third way» political concepts, created on the basis of the synthesis of traditional Russian values and new effective forms of democracy; political concepts of Russian emigrant youth organizations, that arose as a result of the inclusion of emigration in the pan-European political process. The multifaceted process of institutionalization of Russian post-revolutionary emigration led to its rallying into a single socio-cultural organism that had clear space-time frames. Based on the analysis of the specifics of state development, it is established that the term «national identity» in modern political discourse often gets a conflict character. The spread of the term «state identity» in the social and political discourse is justified, that makes it possible to level the historical and semantic ambiguity of terminological reference points of identification and ensure the coordination of the domestic understanding of the identity phenomenon with the European theoretical context. The thinkers of emigration consistently uphold the idea of the organic nature of state development as the foundation of the cultural and political structure of state identity. The ideological continuity of political thought and the retention of the paradigm of statehood are emphasized. The imperial idea not only determines the methodological unity of the post-revolutionary political thought of the Russian emigration, but also links it to the «Russian Orthodox» identity, imperial pre-revolutionary discourses and modern geopolitical ambitions. The Russian national idea, due to the plasticity of the ethnic organism of the state, seeks to go beyond the national framework. It is stressed that the post-revolutionary theory of the national transformation of society is based on the idea of political consolidation and homogenization of society through the establishment of Russian identity. The necessity of changing the identification priorities in multi-ethnic states is substantiated and it is emphasized that in the coordinates of effective state identity, ethnic identity should give way to state identity. Through the recognition and objective study of the common features it is possible to determine the differences that allow the formation of a historically adequate and organic state identity with maximum deliberated estimates.